

Предисловие и слова благодарности

Позднесоветский Ленинград был городом непростым. Он отталкивал чужаков, но был относительно открыт для международных связей; он исповедовал аскетическую мораль, художественная и интеллектуальная жизнь была в нем ключом; политическое руководство города сочетало отеческую заботу с черствостью. Спустя двадцать лет после возвращения прежнего имени Санкт-Петербург стал другим городом, гораздо более разнообразным, но не лишенным собственных противоречий. От наплевательского отношения к нуждам и безопасности людей порой навораивались слезы. Идея о том, что Россия остается средоточием духовных ценностей, даже если с материальной стороны все плохо, разбивалась о корысть и предприимчивую хитрость некоторых членов местной элиты. Если Москва, как говорят, слезам не верит, то Ленинград / Петербург никогда их не замечал.

Чрезмерная красота пугает, рядом с ней трудно жить. Петербургу свойственен слегка неодобрительный, тревожный нарциссизм места, жители которого сравнивают представления других о важном со своими собственными историческими трагедиями. Тем не менее местные жители весьма охочи до новых впечатлений и обладают способностью ничто не воспринимать как должное и тонким чувством умной иронии. Какой бы неприкрашенной, а временами вдохновляюще однообразной ни была жизнь в городе, она почти никогда не бывает скучной. Эта книга — попытка запечатлеть все это: сущность места, обладающего комплексом жертвы в общегородском масштабе, но относящегося к своему невыносимому прошлому с иронией.

Советская культура была в высшей степени монолитной и отличалась сильным стремлением к однородности. Но в 1960-е годы

ленинградцы все больше убеждались, что их город уникален. Именно этот центральный нерв я и пытаюсь здесь проанализировать. Я смотрю на то, как люди сознательно взаимодействовали с местным и национальным прошлым и просто жили рядом с ним; на вещи и пространства, которые формировали сознательное восприятие, и на те, которые люди практически не замечали. На одном из уровней меня интересует, каким Ленинград-Петербург и его культура представлялись в воображении; на других — конкретные наслоения опыта в том виде, в каком их сейчас помнят.

Настоящее и прошлое взаимодействуют друг с другом в том смысле, что нет такой сознательной реакции, которая бы не деформировалась памятью. Дневник не ближе к вспоминаемым событиям, чем мемуары или устные свидетельства: акт письма требует даже от «наивных» авторов формулировать свое отношение к тому, свидетелями чего они были. Мифы и реальность сливаются воедино, ведь практическая деятельность (например, решение о том, где работать и жить) определяется общими идеями о том, что «собой представляет» отдельно взятое место. Показывая, как общие воспоминания о прошлом повлияли на настоящее в период с конца 1950-х по 2010-е годы, я сплетаю воедино разные источники — от официальных документов до произведений литературы и искусства, мемуаров и устной истории, материальных следов изменений, которые можно увидеть на городских улицах и внутри зданий. Я также опираюсь на собственный опыт и впечатления, и цитирую и описываю чужие.

Даже в книге, посвященной относительно короткому отрезку времени, охватить все, что в большом городе важно для всех его жителей, постоянных или временных, — невыполнимая цель. Так, в пародирующей «петербургомосковведение» книге «Новый поребрик из бордюрного камня» О. Лукас пишет: «Перед тем как написать хоть что-то, питерец напряженно думает: не обидится ли кто-нибудь на эту запись? На его записи, впрочем, все равно обижаются, потому что обидеть питерца можно любым неудачным знаком препинания» [Лукас 2011]. Те, кто знает и любит этот город, непременно будут громогласно оспаривать — частично или полностью — то, что я тут написала. Однако существующие

трактовки Санкт-Петербурга часто словно бы заключены в искусственные границы: в одном углу обсуждают исторические здания без упоминания тех, кто в них живет; в другом ведутся дискуссии о предполагаемой «советской и постсоветской идентичности», особо не учитывающей место и личность; в третьем — выводы, сделанные на основе личного опыта или опыта определенного круга, распространяются на целую культуру. Я же пыталась двигаться в направлении комплексного подхода к местной жизни — признающего, например, что не все в Санкт-Петербурге являются художниками или эстетамы, что «ленинградское» прошлое не исчезло просто так и что ощущение города может варьироваться в зависимости от того, к какому поколению человек принадлежит.

Путеводители стремятся предложить вид на город, который одновременно является однородным и исчерпывающим (выбирая только памятники, которые «стоит посмотреть», или самый модный бар, куда так непросто попасть). В этой же книге речь о том, как можно посмотреть на один и тот же город по-разному. Для туриста Лондон — это Тауэрский мост, Британский музей, черные такси, красные автобусы и Букингемский дворец. Для меня, выросшей в Лондоне, все это имеет значение, но не большее, чем Ричмонд-парк, где мы гуляли в детстве и через который я ездила на велосипеде, будучи студенткой; или отважно отстаивающий свое существование цветущий садик на угрюмой кирпичной станции Западный Кенсингтон в 1970-е годы; Собрание Уоллеса, один из первых музеев, которые я посетила самостоятельно, городские церкви, которые в одно памятное воскресенье нас отвел посмотреть мой отец, скверы в Блумсбери, где я обедала в 1990-е, когда только начала преподавать, и, конечно же, районы, где я жила, — Барнс и Бермондси, оба они находятся недалеко от главного источника моего лондонского патриотизма — набережной Темзы. И если сейчас нельзя писать о Лондоне, не учитывая работ П. Акройда и И. Синклера (для начала), то разговор о Петербурге не обязательно сводится к Пушкину и Достоевскому и освященным веками штампам о кусачем морозе и водке, равно как и более свежим — о непоколебимом ди-

рижизме и повальной коррупции. Когда молодой Советский Союз еще не был признан как государство, западные авторы часто выражали «взгляд из Риги»; говоря о Ленинграде и Санкт-Петербурге, они выражают «взгляд из “Астории”», не выбираясь за пределы треугольника Мойка — Фонтанка — Нева в те районы, где люди в реальности жили.

* * *

Интеллектуальные долги, которые я накопила примерно за десять лет, пока работала над книгой, столь же разнообразны, как и сам материал. Финансовую поддержку научных командировок в Санкт-Петербург и Москву (где, к неудовольствию патриотически настроенных местных жителей, имеются некоторые источники о «городе на Неве», недоступные на месте) оказал Совет по исследованиям в области искусств и гуманитарных наук, Ливерхьюм Траст, Оксфордский университет, и Фонд Людвига, Нью-Колледж. Я чрезвычайно благодарна этим организациям и зачастую необычайно любезным сотрудникам библиотек и архивов в Санкт-Петербурге, Москве, Хельсинки и Лондоне, а также в моем родном Оксфорде. Я также благодарю всех, с кем я работаю в Нью-Колледже и Оксфордском университете, за интеллектуальную компанию и приятное общество, особенно Жозефину фон Цитцевиц, замещавшую меня как преподавателя, пока я была в исследовательском отпуске, спонсором которого выступил Ливерхьюм; а также моих аспирантов и студентов, чей энтузиазм по поводу русской культуры помогает мне продолжать работу.

Групповой проект «Русская национальная идентичность 1961 года», спонсируемый АНРС, служил поразительным источником интеллектуального стимула и поддержки. Моя сердечная благодарность всем участникам, особенно Энди Байфорду, Жозефине фон Цитцевиц, Виктории Донован и Эдмунду Гриффитсу из Оксфорда, Хилари Пилкингтон и Ровенне Болдуин из Уорикского университета, Биргит Боймерс в Бристоле, Стивену Ловел-

лу из Королевского колледжа Лондонского университета. В Санкт-Петербурге — Альберту Байбурину, Дмитрию Баранову, Анне Кушковой и Елене Омельченко. Я благодарна участникам конференций по евразийской культуре и советской истории, проведенных в Нью-Колледже и колледже Вульфсона в Оксфорде, и Европейском университете в Санкт-Петербурге, а также сравнительному семинару по истории Ирландии и России в Дугорте (остров Ахилл), внесшему свой вклад множеством разнообразных способов. Спасибо тем, кто помогал с интервью, в частности Наталье Галеткиной, Евгении Гуляевой, Екатерине Измestьевой, Александре Касаткиной, Веронике Макаровой, Ирине Назаровой, Александре Пиир и Марине Самсоновой.

Коллеги из Европейского университета, Фонда Лихачева и петербургского отделения «Мемориала», в том числе Борис Фирсов, Ирина Флиге, Олег Хархордин, Александр Кобак, Борис Колоницкий, Татьяна Косинова, Александр Марголис и Татьяна Воронина, предоставили мне бесценные советы и поддержку. Еще я также хотела бы поблагодарить организаторов и участников семинаров, а также рецензентов моих статей в журналах за ценные предложения и замечания. Я благодарю коллег из Санкт-Петербурга, а также из Финляндии, Франции, Германии, США и Великобритании, — включая Евгения Добренко и Андрея Щербенка, Катрин Мерридейл и Андреаса Шенле, Алена Блюма, Клаудио Ингерфлома и Изабель Оахон, Дину Хапаеву и Николая Копосова, Александра Бикбова и коллег из журнала «Laboratorium», Юрия Мурашова, Игоря Смирнова, Марину Могильнер и коллег из *Ab Imperio*, Сан-Хён Кима и коллег из журнала «Евразийские исследования», Сару Джонс и Дебби Пинфолд, Валерия Вьюгина, Александра Эткинда, Мюрэнн Магуайр, Сета Грэма, Константина Баршта, Наримана Скакова, Григория Фрейдина, Монику Гринлиф, Йорама Горлизки и Веру Тольц. Особая благодарность Джерри Смиту, Барбаре Хелдт, Стивену Ловеллу, Екатерине Голынкиной и Алине Кравченко, которые были настолько любезны, что прочитали весь черновик текста. Ценные советы о том, что читать, смотреть и делать, также давали Юрий Башилов, Светлана Бойм, Шура Коллинсон, Александр Генис, Антон Гликин, Ла-

риса Хаскелл, Ольга Кузнецова, Марк Липовецкий, Лев Лурье, Любовь Осинкина, Сергей Ушакин, Джудит Пэллот, Мария Пашолок, Александра Смит, Элизабет Стерн, Дарья Суховой и многие другие. Ричард Дэвис великодушно подарил мне копию своей замечательной книги о деревянных церквях Северо-Запада. За многолетнюю доброту выражаю сердечную благодарность петербургским и бывшим петербургским друзьям Альберту и Наталье Байбуриным, Аркадию Блюмбауму, Олегу Борисовичу и Евгению Голынкиным, Екатерине Голынкиной и Александру Журавлеву, Дине Хапаевой и Николаю Копосову, Константину Богданову, Альбину Конечному и Ксении Кумпан, Николаю и (увы, уже покойной) Полине Вахтиным.

Из членов моей семьи я хотела бы особо упомянуть племянницу Милли Даван Веттон, которая приехала со мной в город в октябре 2011 года. Я обязана ее свежему взгляду несколькими интересными наблюдениями о городе, включая замечания о собачьей одежде в главе 7, и я благодарна ей за хорошее настроение и хладнокровие, даже когда на Большом Сампсониевском проспекте ей чуть не упал кирпич на голову. Мой муж, Иэн Томпсон, не раз сопровождал меня в поездках, начиная с морозного декабря 1988 года, когда над унылым морским побережьем бушевали сильные ветры. Все это время он сохранял живой интерес к городу и моим занятиям.

А главное, я благодарна многим людям из Санкт-Петербурга — кого-то, но далеко не всех, я уже упомянула, — которые, по моей просьбе или спонтанно, делились своей, любовью к этому месту, временами нервной или прошедшей тяжелые испытания. Одни были моими друзьями, с другими у меня сложились теплые отношения в недавнем прошлом; некоторых я вообще почти не знаю. Санкт-Петербург, как известно даже случайному посетителю, неуютный город, но я чувствую, что имею право называть себя хотя бы почетным петербуржцем, это подарок настоящих местных жителей, и я посвящаю книгу им.

Санкт-Петербург,
декабрь 2012 — июль 2021 года

Предисловие к русскому изданию

Города, казалось бы, обречены на статичность; и в русском языке, и в английском постоянство мест коллективного проживания отражается в самой этимологии слова («поселение/settlement»). Но первая реакция автора, пересмотревшего через десятилетие свой собственный портрет Петербурга — ощущение зазора между прошлым и настоящим. Время, когда писались последние страницы книги, теперь само стало историей, населяющие ее персонажи — такими же «теньями прошлого», как и горожане середины XX века.

Как однажды заметил мой знакомый, Петербург — «это такой город, где чувствуешь ностальгию, даже прямо в нем находясь». Здесь, по-видимому, играет роль знаменитая иллюзорность петербургского пространства, оттенки характерного для него света, средь бела дня кажущегося вечерним. Но даже объективно, 2021 год — это не то же самое, что 2012 год, в котором я заканчивала английский вариант книги. С тех пор многое изменилось, не только в самом Петербурге, но и в России, и вообще в мире. Книга «Санкт-Петербург: тени прошлого» — дань не только истории «города на Неве», но и тому конкретному моменту, когда меня обуревал гений места. Тогда приезжать в Петербург было до смешного легко (как кажется сейчас, при закрытых границ и приостановленном авиасообщении); тогда чувствовать себя «петербуржцем», имея гражданство другой страны, не казалось абсурдом, тогда можно было погружаться в городскую жизнь так, как мало какой приезжий из «капстран» в со-

Камская улица, 1996. Фото Иэна Томпсона

ветский период (в этом отношении блаженное тридцатилетие с 1988 по 2019 год походило прежде всего на дореволюционный период, когда в Петербурге постоянно жила община «русских британцев» с «гибридной», как любят сейчас говорить, идентичностью — до такой степени, что некоторые ее представители второго и третьего поколений говорили на английском довольно скверно¹).

Покажется ли 2020 год лет через десять таким же рубежом, каким нам сейчас кажется, например, год 1956, 1968 или 1982? В любом случае в книге речь пойдет не только и не столько о такого рода открытых сломах, а о менее наглядных, иногда почти неуловимых перипетиях вроде постепенной моторизации городской среды, созданной для передвижения в каретах, или

¹ См. воспоминания Герберта Альфредовича Свана (Herbert Swann), отца композитора и артиста кабаре Дональда Свана, «At Home on the Neva: a Life of a British Family in Tsarist St Petersburg — and After the Revolution» (London: Gollancz, 1968). Даже употребление артиклей в заглавии («a Life» вместо более «естественного» «the Life») звучит не очень по-английски.

другого рода трансформаций уличного ландшафта. Интересно, что при пересмотре нашего домашнего фотоархива (классическое занятие во время карантина) нередко оказывалось, что определить точное время и место, где была снята та или иная городская сцена, на вид практически невозможно. Несмотря на наши представления о 1990-х как о «лихолетье», периоде «развала» и всеобщего «краха», фотоглаз не отличает городской пейзаж этой эпохи от тихого «застоя» 1980-х гг. Пример — совершенно запустелая Камская улица в июле или августе 1996 года, больше всего похожая на фото Л. Цыпкина 1970-х годов («Лето в Бадене», 1982).

Учитывая момент написания книги и ее статус памятника тогдашней современности, а не только городскому прошлому и представлениям о нем самих петербуржцев (и/или ленинградцев), я решила: не стоит переделывать текст с оглядкой на *эту* современность (2021 год). Собственно, давний портрет не «ретушировался». Практически не вмешиваясь в текст, я ограничилась добавлением (и то далеко не везде) примечаний, указывающих на различные перемены последних лет.

Тем временем в главном тезисе книги — одержимости населения Питера² местным прошлым — сомневаться не приходилось. Жители Петербурга любят свой город особой, трепетной любовью, и я их понимаю. Надеюсь, что мои новые читатели будут реагировать на изображение любимого города «петербуржцем издалека» с таким же пониманием и заинтересованностью, как прочитавшие ее на английском земляки. В 2017 году поэт Полина Барскова писала мне: «Эта книга захватывает меня; я все время то соглашаюсь, то не соглашаюсь, мне очень интересно читать!»³ Пусть начнется спор!

² Прошу прощения у тех, кому это название кажется панибратским или так или иначе режет слух. Оно меня привлекает прежде всего как способ с максимальной лапидарностью определять явления и характер отношения к городу, свойственные не одной эпохе (советской, или постсоветской, или дореволюционной), но разным периодам.

³ Личное сообщение, 21 августа 2017 год.

* * *

Считаю своим приятным долгом выразить благодарность за реализацию русского издания сотрудникам издательства Academic Studies Press, в частности Игорю Немировскому, Ксении Тверьянович, Ирине Знаешевой и Марии Вальдеррама. Исключительно приятно было сотрудничать с моим наблюдательным, добросовестным и тонким редактором, Ольгой Бараш. Отдельную признательность выражаю Оксане Якименко не только за перевод книги на русский, но и за ценные указания, основанные на ее незаурядном знании городской памяти и городской среды и оказавшиеся весьма полезными для русской версии книги.

Введение

Городская панорама

Моя родина — не Россия,
Моя родина — Петербург¹.

Если в беседе с иностранцем произнести подряд слова «память» и «современная Россия», это сразу порождает у собеседника некие ожидания. Часто за этими словами слышится стремление преодолеть прошлое. Все знают про отредактированные фотографии, где от толпы людей остался один Сталин². Слышали и про цензуру печати, требовавшую, например, чтобы из Большой советской энциклопедии исчезла панегирическая статья о бывшем министре внутренних дел Л. П. Берии, в 1953 году объявленном «врагом народа»: для этого библиотекарям предписывалось скрыть ее под дотошно расширенной до нужной длины статьей про Берингово море³. Из недавнего можно припомнить попытки превратить школьные уроки истории в уроки патриотического воспитания и триумфаторские торжества на городских площадях в память о Великой Отечественной войне, при том что множество документов, подробно отражающих историю войны, остается

¹ Г. Гуревич (URL: www.gergur.ru/work/226 (дата обращения: 26.08.2021)).

² См., в частности, проект Д. Кинга «Комиссар исчезает» [King 1997].

³ Звучит как легенда, но экземпляры второго издания Большой советской энциклопедии, имеющиеся в библиотеках Оксфорда, действительно содержат заклеенную статью. В российских библиотеках (в РНБ, например) новая страница аккуратно вставлена в переплет (в БАНе том вообще отсутствует). Об этом и похожих эпизодах см. также [Dewhirst 1973; Блюм 2005].

недоступным большинству историков⁴. Существует обширнейшая литература о «травматической памяти», о том, какие шрамы оставили в сознании отдельных людей и социума в целом политические репрессии и ужасы войны⁵. В них русские предстают не только как жертвы, но и как виновники преступлений, «могильщики» местных культур и поработители соседних народов⁶.

В контексте городских ландшафтов «память» зачастую так же неразрывно ассоциируется у среднестатистического иностранца с монтажом, подгонкой и лакунами: исчезнувшие статуи, замененные топонимы, снесенные или перестроенные до неузнаваемости здания⁷. Даже жители западных стран, никогда не бывавшие в «социалистическом городе», отчетливо представляют себе подобное место: серые дома-башни, красные флаги и где-нибудь в центре гигантский памятник очередному вождю, с презрением вззирающий на народ, копошащийся у ног. С другой стороны, воображаемый «постсоциалистический» ландшафт — зрелище в архитектурном плане не менее унылое, только теперь оно оживляется рекламой нижнего белья и плакатами с ковбоем Мальборо, а мрачные бритоголовые мужчины с заросшими щетиной лицами гоняют по улицам на внедорожниках с затемненными стеклами.

⁴ В досье исторических обманов, собранном М. Макмиллан [Macmillan 2009], России отводится особое место; с одной стороны, это правомерно, с другой — не учитывается, насколько критично относятся сами россияне к официальному «манипулированию историей»: см., например, [Копосов 2011; Липман, Миллер 2012].

⁵ См., например, [Хапаева 2007; Эткинд 2018; Jones 2013]. Анализ посттоталитарной памяти в России и Советском Союзе стал развиваться после исследований памяти Холокоста и во многом под их влиянием; я, в свою очередь, следую здесь за А. Конфино и П. Фритцше, которые еще в 2002 году в книге «Работа памяти» [Confino, Fritzsche 2002] говорили о необходимости отойти от сосредоточенности исключительно на вине и угнетении. Еще один неучтенный фактор — возможное искажение самой памяти о травматических событиях см. [Novick 1999].

⁶ См. [Jersild 2011; Applebaum 2012; Снайдер 2015] и др.

⁷ См., к примеру, [Verdery 1999; Crowley 2003; Bassin et al. 2010]. Блестящий анализ феномена архитектурного стирания в российской истории предлагает А. Шенле [Шенле 2018].

Как в шутку заметил П. Вайль в книге эссе «Гений места», «следовать стереотипам удобно и правильно» [Вайль 1999]. На территории Восточной Европы и бывшего Советского Союза, конечно, нетрудно найти места, похожие на вышеописанный воображаемый город⁸. Неудивительно, что «ностальгия» применительно к таким местам воспринимается как патологическое состояние — болезненная одержимость жертв печального заблуждения, даже не подозревающих, в каком ужасном месте они жили. В лучшем случае ностальгия может казаться попыткой сохранить остатки достоинства перед лицом бесконечных лишений, как в старом советском анекдоте про червячка, который спрашивает отца, отчего одни червяки живут в яблоках, другие — в мясе, а «нам приходится жить в этой куче говна». Папа-червяк выпрашивает голову и отвечает: «Потому что это наша родина, сынок!»⁹

Но что происходит, когда речь идет о «постсоветском» или «постсоциалистическом» городе, прошлое которого, до того как он стал метрополией стран Варшавского договора, было достойным и значительным? О таком городе, как Санкт-Петербург? Тогда возникает соблазн счесть социалистический период лишь aberrацией, эпохой, не имеющей никакого отношения к «истинной» идентичности города. Иностранцы всегда были склонны проводить жесткую границу между дореволюционным прошлым города и его советской реальностью (или недавним прошлым).

⁸ Образ этот, правда, несколько устарел: так, например, «звездный час» тех, кого социолог В. В. Волков окрестил «силовыми предпринимателями», пришелся на 1990-е — начало 2000-х; многие стали теперь «законопослушными»: можно увидеть, как они чинно вылезают из своих «хаммеров» у дверей какого-нибудь модного ресторана. См. [Волков 2020]. «Крутые парни» давно стали предметом рекламного юмора (так, в рекламе мобильной сети МТС 2012 года фигурировал мускулистый, обритый наголо Н. Валув, то в темных очках, то без, и лозунг: «С нами не страшен мобильный интернет!» — явный знак того, что дни настоящего страха миновали).

⁹ Анекдот сохранил популярность и в постсоветский период — см., например: URL: <https://www.anekdot.ru/id/-10055129/> (дата обращения: 09.09.2021). Убедительный анализ подобных настроений дает С. Ушакин [Oushakine 2009].

Одна британская учительница, посетившая город в 1980-е, на вопрос, понравился ли ей Ленинград, призналась, что понятия не имеет. В ответ на удивление хозяев она ответила: «Вы показали мне Санкт-Петербург, и он великолепен. Что же до Ленинграда — я его так и не увидела»¹⁰.

Жителям города (как ясно из вышеописанного эпизода) провести такое разграничение куда труднее. В 1991 году на референдуме о переименовании города из Ленинграда обратно в Санкт-Петербург «за» проголосовало отнюдь не абсолютное большинство (54,9 % против 35,5 %). Были, конечно, расхождения и по районам: в Кронштадте за возвращение прежнего имени проголосовало лишь 39,1 % жителей, а в Дзержинском районе, то есть в одном из центральных районов города — 60,8 %. Однако ни в одном из районов за переименование не высказались единогласно¹¹. Вернуть городу прежнее имя в конечном итоге означало стереть его советское прошлое — и в первую очередь уничтожить память о невероятных страданиях и героическом сопротивлении ленинградцев во время блокады¹². Впрочем, название города — лишь один из аспектов отношений с ним его жителей, и, вероятно, не самый важный. Фиксация западных наблюдателей на очевидных, поверхностных изменениях подобного рода зачастую вызывает у русских смесь раздражения и недоумения, отмечает этнолог Н. П. Космарская. Исследователи, приезжающие в постсоветские города и считающие, что «маяками перемен» должны служить памятники, заблуждаются: для местных жителей символизм города в другом [Космарская 2010]. Это особенно верно в отношении Санкт-Петербурга, где, собственно, исчезло не так уж много ключевых памятников советской эпохи. В отличие от волны демонстративного сноса памятников, прокатившейся по другим регионам Восточной Европы, включая Москву (начиная

¹⁰ «А не зря ли Ленинград в Санкт-Петербург переименовали?», обсуждение на форуме в июле 2001 года, URL: <http://forum.ixbt.com/post.cgi?id=print:34:553> (дата обращения: 28.08.2021).

¹¹ См. «Невское время» от 15 июня 1991 года, с. 1.

¹² Из недавних исследований, посвященных блокаде, заслуживают внимания, например, [Ломагин 2002; Ломагин 2014; Яров 2021; Барскова 2014].

0.1. Памятник Александру II работы П. Трубецкого, изначально стоявший в центре площади Восстания, на его нынешнем месте — перед Мраморным дворцом (где в советские годы размещался Центральный музей Ленина, а сегодня находится филиал Русского музея), 2011

с памятника Дзержинскому, свергнутого с пьедестала 22 августа 1991 года), в Петербурге подобных эпизодов не было вообще — возможно, в городе еще жила память о безудержном сносе монументов после 1917 и вплоть до 1930-х годов. Самый известный случай переноса памятника касается дореволюционной скульптуры. За решеткой тихого двора перед Мраморным дворцом стоит угрюмый, громоздкий памятник царю Александру II работы русско-итальянского скульптора П. Трубецкого — до 1937 года статуя украшала площадь Восстания (до революции — Знаменскую), потом на его месте разбили сквер, потом водрузили пьедестал для памятника Ленину и, наконец, в 1985 году — обелиск в память о Великой Отечественной войне, который и сейчас возвышается на этом месте на фоне единственного оставшегося в городе лозунга (на фасаде гостиницы «Октябрьская»), гласящего: «Ленинград — город-герой»¹³.

¹³ Об истории более ранних изменений, через которые прошла площадь Восстания, см. [Лебина, Измозик 2010], о более поздних преобразованиях см. [Kelly 2014, гл. 2].

Для старожилов любого города памятники — это в первую очередь ориентиры, у которых назначаются встречи; обычно горожане их не замечают¹⁴. Любимое здание может быть местом, где «переждал холодный дождь», как колоннада Биржи в великолепном стихотворении Иосифа Бродского «Почти элегия» [Бродский 2011, 1: 188]. Личные воспоминания закрепляются в повседневном поведении, в городских маршрутах, в том, как человек обставляет свой дом, чем занимается на работе и в свободное время. Эта, так сказать, «бытовая» память сосредоточена главным образом на местах и вещах, а не на официальных институтах памяти, таких как памятники и музеи¹⁵.

«Бытовая» память, включая, по определению П. Коннертона, «память тела» [Connerton 1989], то есть физическую память о пространстве, жесте и т. д., не нуждается в стирании чувства истории. События влияют и на повседневную жизнь¹⁶. Для переживших блокаду она осталась неизгладимым опытом; например, историк В. В. Лапин вспоминает о своей тетке:

Кировский мост для нее — это был мост, где она в первый раз попала под бомбежку, когда шла через мост. И каждый раз, как только произносилось слово Кировский мост,

¹⁴ О невидимости памятников см., в частности [Yampolsky 1995].

¹⁵ Этим я, конечно же, не отрицаю и не отрицаю воздействие памятников и, в более широком смысле, официальных институций памяти (включая музеи, путеводители, альбомы), равно как и литературы и научного исследования истории, на горожан, особенно образованных. Изначально планировалось распространить это исследование и на эти институции, и на конвенции «повседневной памяти» (предполагались еще два раздела: «Творение истории» и «Жизнь с историей»). Однако в итоге объем материала вынудил разделить близнецов, и раздел «Творение истории» стал отдельной книгой «Вспоминая Санкт-Петербург» [Kelly 2014].

¹⁶ Это стоит подчеркнуть, учитывая, что в западных странах послевоенная ситуация была несколько иной. См., к примеру, запись в дневнике британской девочки-подростка от 20 июля 1969 года (опубликована автором, Дайан Холл в колонке писем газеты «The Guardian» 5 января 2013 года): «Сходила в центр искусств (одна!) в желтых вельветовых брюках и кофточке. Иэн там был, но со мной не разговаривал. Кто-то, кто явно в меня втюрился, положил мне в сумочку стихотворение. Думаю, это Николас. ФУ. Люди высадились на луно».

в любом контексте, тетка сразу начинала говорить об этом. По крайней мере, она могла сказать: «Да, на этом мосту я первый раз под бомбежку попала». Это минимально, что она говорила. Если обстановка позволяла, она начинала подробно рассказывать, как ее за руку тащил милиционер и не разрешал ей дальше идти через мост. Она говорила ему: «какая разница, теперь уж по середине моста, проще туда бежать, ей туда надо, чем идти назад». Ну, в общем, подробности, что сказал милиционер, что она ему сказала. Это всё было постоянно¹⁷.

Жители Питера (как они любовно называют свой город, стирая разницу между Ленинградом и Петербургом)¹⁸ не могут представить собственную идентичность вне блокады. Даже в 2010-е годы самыми страшными оскорблениями, которые фанаты московских клубов адресовали болельщикам «Зенита», было «блокадные крысы» и «Ваши деды — людоеды»¹⁹. Это, однако, не означает, будто военный опыт — *единственный* способ определить сущность Питера на протяжении пятидесяти и более лет после окончания войны.

В рассказе Д. А. Гранина «Дом на Фонтанке» (1967) главный герой замечает: «Что-то произошло со мной. Прошлое меня влекло больше, чем будущее» [Гранин 1989–1990, 3: 166]. Подобная смена перспективы — от обещания счастливого социалистического будущего к манящему прошлому Петербурга, которое в рассказе Гранина символизирует семья Вадима, молодого ленинградца, погибшего во время войны, — пронизывала культуру города в период, когда Гранин писал свой рассказ. И это было далеко не случайно. Одним из политических «коньков» Н. С. Хрущева была пропаганда регионализма, почти полностью уничтоженного в сталинскую эпоху. Иногда это доходило до смешного —

¹⁷ Oxf/ANRC SPb-11 PF3 NG. Подробный рассказ о блокаде, пережитой в детстве, см. Oxf/ANRC UK-08 PF22 AB.

¹⁸ Некоторые, например, директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский, находят это название чересчур фамильярным, но оно полезно, когда речь идет о долгосрочных характеристиках жизни города; так что я часто его здесь использую.

¹⁹ Благодарю Марину Самсонову за эту информацию.

например, создателям местных телепрограмм указывали из центра, что они недостаточно «региональны», — но для Ленинграда смена политического курса была крайне важна.

В период между 1949 и 1954 годами над городом сгустились политические тучи в результате «Ленинградского дела» — масштабной чистки в рядах местного руководства. Партийные функционеры Ленинграда обвинялись, помимо прочего, в стремлении добиться автономии города. Это рассматривалось как попытка подорвать жесткий центризм, за которую они заплатили длительными тюремными сроками или собственной жизнью. В 1954 году в ходе борьбы за власть Хрущев обвинил Берия и Маленкова в том, что это они сфабриковали Ленинградское дело, и выжившие заключенные были освобождены (хотя многих из них официально реабилитировали лишь в эпоху гласности), кроме того, Хрущев выступил со знаменательной речью, в которой с жаром утверждал, что, опорочив Ленинград, зачинщики Ленинградского дела опозорили всю страну²⁰. Постепенно ленинградцы начали обретать уверенность в себе. В 1957 году отпраздновали 250-летие основания города (с опозданием на четыре года) — одновременно с сороковой годовщиной Октябрьской революции. По этому случаю были отчеканены медали и выпущен целый ряд альбомов и книг по истории²¹. Сложился целый культ «ленинградского коммунизма», а путеводители и экскурсоводы неустанно подчеркивали связь города с Лениным и его роль в революционном прошлом. На уроках иностранного языка школьников учили произносить на звучном, пусть и не вполне правильном английском: «Leningrad is Cradle of the October Revolution» («Ленинград — колыбель Октябрьской революции»).

²⁰ Выступление Н. С. Хрущева перед партактивом Ленинграда 7 мая 1957 года. См. [Хрущев 1957]. Подробнее об этом см. [Kelly 2014, гл. 1].

²¹ Вполне вероятно, что причиной запоздания был всесоюзный траур после смерти Сталина 5 марта 1953 года, хотя никаких документов с указанием причин мне не попадалось. Некоторые альбомы, явно готовившиеся к юбилею, были без лишнего шума опубликованы годом позже, в 1954-м.

В то же время рос интерес и к дореволюционному прошлому. Предпосылки этого интереса, опять же, имели общегосударственный масштаб. Создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в 1965 году, в самом начале брежневской эры, свидетельствовало о перемене отношения к наследию и одновременно способствовало ей. Ленинградское отделение ВООПИиК было исключительно активным, а его деятельность в основном направлена на сохранение дореволюционной архитектуры той части города, которую теперь принято называть историческим центром (см. [Келли 2009]).

В свете новых веяний акцент в путеводителях постепенно сместился с памятников, связанных с Революцией, к хронологическому порядку, согласно которому на первом месте оказались дома и постройки, возведенные в XVIII и XIX веках²². В списки охраняемых памятников архитектуры вошли банки, магазины и даже церкви, построенные «при капитализме» и раньше считавшиеся уродливыми и годными только под снос²³. В учебниках и детских книгах, даже в настольных играх отдавалась дань местным достопримечательностям и местной истории²⁴. Даже журнал «Блокнот агитатора», само название которого говорило о политической ангажированности издания, начал прославлять прошлое города. Одна моя знакомая вспоминает: «Он такой противный, он профсоюзный, жуткий журнал, противный. Но там всегда была одна какая-нибудь заметочка про историю какой-

²² См., например, [Шварц 1956: 299–300]. Для перестраховки, правда, в книге была приведена цитата из Кирова. Подробнее о путеводителях, охране архитектурных памятников и музеях Петербурга см. [Kelly 2014]: в главе 1 речь идет о ключевых петербургских идеях, таких как «ленинградский коммунизм», в главе 2 — о памятниках и названиях улиц (часть этого материала вошла в главу 9 настоящего издания), в главе 3 — о движении за охрану памятников и в главе 4 о музеях.

²³ См. Протокол заседания Ученого совета ГИОПа Глав. АПУ Ленгорисполкома, 10 января 1966. ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 1-1. Д. 13. Л. 1.

²⁴ См. [Басина 1972]. Обучение тому, как следует показывать город туристам, было популярной практикой в рамках преподавания иностранных языков. За это воспоминание благодарю участников семинара «Антропология города и городской фольклор» («Городского семинара») ЕУ СПб.

нибудь улицы. Улицы, дома, площади, вокзалы — вот так. И их все собирали. У меня до сих пор сохранились вырезки, полные ящики вырезок оттуда, да?»²⁵

Музей истории Ленинграда, одно из самых влиятельных учреждений, пропагандировавших этот поворот к прошлому, стал поистине прибежищем молодых интеллектуалов, обративших свою нелюбовь к настоящему в оплачиваемую государством работу по изучению местной истории. Это был способ убежать от мира, где каждый год 7 ноября приходилось недоумевать, с какой стати страна празднует «разгон красными штурмовиками первого в России демократического правительства», и где «черная тень непроходимого абсурда» накрывала собой все вокруг [Иванов 2009, 2: 426]. Инакомыслящая интеллигенция особенно благоволила к эпохам, подвергавшимся официальному порицанию, в частности к «декадансу» начала XX века. Широкую известность и признание в городе получила статья «Петербург и петербургский текст русской литературы» В. Н. Топорова [Топоров 1993]²⁶, хотя написана она не ленинградцем: в ней исследователь анализирует создававшийся несколькими поколениями писателей литературный миф о Петербурге — городе, исполненном обреченности, тоски и фантазмов. Сходным образом изображали Ленинград и современные авторы, такие как А. Битов, И. Бродский и другие: осыпающиеся имперские здания в плену враждебной стихии туманов и ливней²⁷.

Все это было крайне далеко от официального советского духа — устремленного в будущее оптимизма. Однако интерес к местной истории отнюдь не всегда таил за собой политическое инакомыслие: дозволенный и в то же время слегка скандальный энтузиазм по отношению к петербургской культуре проявляли и власти. Л. Н. Белова, директор Музея истории Ленинграда,

²⁵ Оxf/АНRC СПб-07 PF3 СК.

²⁶ Понятие «петербургский текст» циркулировало в научных кругах уже в 1970-е (первый неопубликованный вариант статьи был написан в 1971 году), но с публикацией работы в 1993 году термин приобрел широкую популярность.

²⁷ См., например, [Битов 2007; Бродский 2011].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru